

УДК 81.373.47
UDC 81.373.47

Труфанова Ирина Владимировна
Московский центр развития кадрового потенциала образования
г. Москва, Российская Федерация
Irina V. Trufanova
Moscow Center for Human Resources Development in Education
Moscow, Russian Federation
illokucia1@rambler.ru

В. А. ЖУКОВСКИЙ И В. В. НАБОКОВ
О ГЕНИИ ЧИСТОЙ КРАСОТЫ
V. A. ZHUKOVSKY AND V. V. NABOKOV
ABOUT THE GENIUS OF PURE BEAUTY

Аннотация

Цель настоящей статьи – проследить историю выражения «*гений чистой красоты*» у В. А. Жуковского и его использование в лирике В. В. Набокова. С помощью метода интертекстуального анализа выявлено, каким образом В. В. Набоков развил разработанное В. А. Жуковским понятие. В его стихах выражение «*чистая красота*» появляется в значении 'божество'. Из всех признаков гения чистой красоты и атрибутов, сопровождающих явление гения чистой красоты у В. А. Жуковского, для В. В. Набокова наиболее актуальными оказались крылья, полёт в небе. Остальные признаки подверглись трансформации. Так, свет у В. В. Набокова превращается в огонь, пламя, зыблущую лаву, зной, гром и молнию; звуки арфы – в звуки свирели или в звон, гул. Встреча с гением чистой красоты у В. В. Набокова представлена несравненно более экспрессивно, чем у В. А. Жуковского. Гений чистой красоты не просто приподымает завесу над красотой, он рождает жизнь. Поэтому красота для В. В. Набокова не эстетическая, а онтологическая категория.

Abstract

The present paper aims to trace the history of the expression “*the genius of pure beauty*” introduced by V. A. Zhukovsky and its use in V. V. Nabokov’s lyrics. The method of intertextual analysis is used to reveal how V. V. Nabokov developed the concept created by V. A. Zhukovsky. In his verses, the expression “*pure beauty*” appears once in the meaning of deity. Among all features of “the genius of pure beauty” concept and attributes accompanying this phenomenon in Zhukovsky’s lyrics, for Nabokov, the wings and the flight in the sky turn out the most relevant ones. Other features were subjected to transformation. As a result, light turns into fire, flame, swelling lava, ardent heat, thunder and lightning, the sounds of harp – into the ones of flute or into ringing or rumble. Portraying the meeting with the genius of pure beauty, Nabokov is incomparably more expressive than Zhukovsky. The genius of pure beauty not only lifts the veil over beauty but gives birth to new life. Therefore, beauty for Nabokov is not an aesthetic category but an ontological one.

Ключевые слова: В. В. Набоков, В. А. Жуковский, полигенетичность, интертекст, цитата, аллюзия, реминисценция, невыразимое, гений чистой красоты.

Keywords: V. V. Nabokov, V. A. Zhukovsky, polygenetics, the intertext, quote, allusion, reminiscence, the unspeakable, the genius of pure beauty.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_3_200_214

1. Введение

То, о чём пойдёт речь в нашей статье, обозначается с помощью терминов: чужое слово, цитата [Семенова, 2004], аллюзия, реминисценция, интертекст [Интертекстуальность, 2016, с. 16–51], полигенетичность. Мы отдаём предпочтение последнему термину.

Для произведений В. В. Набокова типично качество, которое П. Тамми предложил обозначить термином полигенетичность, а Р. Дж. Коллингвуд – сотрудничество художников. Полигенетичность – метод, посредством которого в отдельном сегменте текста писатель актуализирует не только один подтекст (или один литературный источник), а множество источников; «характерной интертекстуальной стратегией В. В. Набокова является выбор подтекстов не только из сочинений разных авторов, но и разных культурных и языковых контекстов» [Тамми, 1997, с. 517].

В работе «Принципы искусства» английский философ и историк Р. Дж. Коллингвуд специально остановился на проблеме, которую он сформулировал как «сотрудничество художников» [цит. по : Галинская, 2005, с. 87]. Пуристы от литературы и искусства, пишет Р. Дж. Коллингвуд, считают, что произведение подлинного художника должно быть полностью «оригинальным» и ни в коей мере не зависеть от творчества других мастеров, – то ли предшественников, то ли современников. Для людей, разделяющих этот предрассудок, замечает далее Р. Дж. Коллингвуд, становится настоящим шоком известие о том, что пьесы Шекспира являются адаптацией произведений других авторов. Ведь то, что мы называем «наследием Шекспира», создано не просто и не исключительно талантом этого человека из Стратфорда-на-Эйвоне (или, допустим, Фрэнсиса Бэкона из Верулама), но и частично драматургами Томасом Кидом и Кристофером Марло, у которых Шекспир заимствовал сюжеты своих пьес. Великий английский драматург использовал также сюжеты из жизнеописаний Плутарха, отрывки из «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии» известного хрониста XVI в. Рафаэля Холиншеда, а также рассказы, сказки и легенды из средневекового сборника «Gesta Romanorum» («Деяния римские», ок. 1300 г.) неизвестного автора или авторов. При этом следует сказать, заключает Р. Дж. Коллингвуд, что Шекспир очень удивился бы, узнав, что такая его практика кого-то шокирует. Ведь созданное «путём сотрудничества» произведение отнюдь не является плагиатом. Да и вообще, если непредубежденно взглянуть на все формы художественной культуры, окажется, что сотрудничество мастеров есть извечное правило, ибо произведение искусства – это всеобщая деятельность [цит. по : Галинская, 2005, с. 87–88].

Настоящая статья посвящена «сотрудничеству» В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и В. В. Набокова.

2. Обзор литературы

Естественно, что тема «В. А. Жуковский и В. В. Набоков» не могла не заинтересовать литературоведов. Так, А. А. Забияко установила, что первым синестетом в русской литературе, предшественником В. В. Набокова, был В. А. Жуковский [Забияко, 2004, с. 3, 50–54] (См. его: *прохладная тишина, немая бездна, острое пламя, знойная вышина, прохладно-голубой свод неба* и др.).

Дж. Коннолли, Г. Шапиро, Н. А. Карпов, Е. Егорова, Е. Е. Анисимова проанализировали реминисценции статьи В. А. Жуковского «О смертной казни» в романах В. В. Набокова «Приглашение на казнь» и «Дар» [Connolly, 1983 ; Shapiro, 1998, с. 72, 126–131 ; Карпов, 2002 ; Егорова, 2014 ; Анисимова 2015 а, с. 102–103 ; Анисимова 2015 б, с. 153–154].

Е. Е. Анисимова считает, что интерес В. В. Набокова к В. А. Жуковскому, блистательному, по оценке В. В. Набокова, транслятору европейской культуры средствами русского поэтического языка, обусловлен переводческой деятельностью последнего, и, вслед за П. Мейер, демонстрирует реминисценции поэм В. А. Жуковского «Эолова арфа», «Ленора», «Лесной царь», «Ундина» в романах В. В. Набокова «Дар», «Приглашение на казнь», «Лолита», «Пнин» [Анисимова, 2015 а ; Анисимова, 2015 б ; Мейер, 2007, с. 33–34]. Е. Е. Анисимова полагает, что в «Эоловой арфе» В. В. Набокова привлекла мысль В. А. Жуковского о возможности выходить из трагического здесь в обнадеживающее там и указала, что в стихотворении «Как ты, я с отроческих лет» В. В. Набоков пишет о таком выходе впервые, что сама природа искусства понималась В. А. Жуковским и В. В. Набоковым в перспективе художественно ёмкого образа Эоловой арфы [Анисимова, 2015 а, с. 110 ; Анисимова, 2015 б, с. 155]. Реминисценции «Светланы» Е. Е. Анисимова обнаруживает в стихотворении В. В. Набокова «Святки» и рассказах «Нежить», «Слово» [Анисимова, 2015 а, с. 112]. Е. Егорова предположила, что бабочка в камере Цинцинната восходит к стихотворению В. А. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу», В. В. Набоков делает Цинцинната литературным наследником узника В. А. Жуковского [Егорова, 2014].

Е. Егорова и Е. Е. Анисимова обратили внимание на пристальное изучение В. В. Набоковым гекзаметров В. А. Жуковского, результатом которого, утверждают исследователи, стали стихотворения В. В. Набокова «Если вьётся мой стих», «Размеры», «Гекзаметры», шестистопный дактиль в так называемых метрических фрагментах романа «Дар» [Егорова, 2014 ; Анисимова, 2015 а, с. 111 ; Анисимова, 2015 б].

Е. Егорова утверждает, что В. В. Набоков и В. А. Жуковский сходным образом разрабатывают темы воспоминания и поэтического вдохновения. Е. Егорова высказывает предположение, что для выражения «невыразимого» писатель прибегает к языку В. А. Жуковского, и аргументирует его следующим образом: «Так, В. В. Набоков полагал, что “не написанная ещё книга существует в идеальном измерении, то проступая из него, то затуманиваясь”, а его писательская задача состоит в том, чтобы всё, что ему в иные мгновения бытия удаётся в этой книге рассмотреть, “с максимальной точностью перенести на бумагу”. Нельзя ли здесь, правда с осторож-

ностью, обнаружить параллели с эстетическим в понимании Жуковского? В дневнике от 4 (16) февраля 1821 года и в письме к А. Тургеневу он утверждает, что “прекрасное существует, но его нет”, ибо оно “является нам единственно для того, чтобы, оживив душу, исчезнуть”, но полностью мы “разглядеть” его не можем, всечасно испытывая “животворную” грусть в “смутном” стремлении постичь непостижимое» [Егорова, 2014].

Анализ выражения *гений чистой красоты* у В. А. Жуковского и В. В. Набокова не был прежде предметом научного исследования. Всеобщая известность данного выражения и одновременно его неизученность послужили мотивом для настоящего исследования.

3. Основная часть

А. С. Пушкин в стихотворении «Я помню чудное мгновенье» пишет, что А. П. Керн «явилась» в его жизни как «*гений чистой красоты*». Обычно выражение *гений чистой красоты* у А. С. Пушкина возводят к стихотворению В. А. Жуковского «Лалла Рук» [Черняев, 1900]. М. П. Алексеев высказывает предположение, что А. С. Пушкин мог его заимствовать из стихотворения В. А. Жуковского «Я музу юную, бывало...» или из «К мимо пролетевшему знакомому гению» [Алексеев, 1982]. Таким образом, «гений чистой красоты» А. С. Пушкина – пример полигенетичности. Если мы обратимся к истории стихотворений В. А. Жуковского о Лалла Рук, произведений, в которых упоминается *гений чистой красоты*, мы обнаружим полигенетичность уже у В. А. Жуковского. Любимое В. А. Жуковским и неоднократно появляющееся в его лирике видение «гения», пролетающего мимо, и символизирующее возникновение «прекрасного», И. П. Галюн возводит к впечатлению, которое произвело на поэта стихотворение Ф. Шеллинга «Lied», переводом которого и является «К мимо пролетевшему знакомому гению» [Галюн, 1916]. «Явление поэзии в виде Лалла Рук» – это перевод В. А. Жуковским стихотворения Гедвиги Штегеман «Великой княгине Александре в виде Лаллы Рук» [Алексеев, 1982]. Из разысканий Д. Герхардта, известно, что «Пери», «Песнь бедуинки», «Мечта» восходят к одному источнику – к стихотворениям немецкого поэта и переводчика С. Г. Шпикера [Алексеев, 1982]. Драма «Камознс» – перевод поэмы австрийского поэта Ф. Гальма. В. В. Афанасьев пишет, что от Ф. Гальма не осталось почти ничего, В. А. Жуковский использовал произведение австрийского драматурга как таинственный импульс и написал собственную поэму, вложив в уста португальского поэта свои сокровенные мысли [Афанасьев, 1986, с. 37]. Переводы и других произведений, сделанные В. А. Жуковским, не уступали источнику, но приобретали качество оригинала [Анисимова, 2015 а, с. 13–131]. «Вступление» к балладам «Двенадцать спящих дев» – перевод «Посвящения» к первой части «Фауста» И. В. Гёте [Анисимова, 2015 а, с. 113 ; Анисимова, 2015 б, с. 156].

Что же такое *гений чистой красоты* в понимании В. А. Жуковского?

В 1817 г. опубликованы баллады «Двенадцать спящих дев», во вступлении к которым появляется *благодатный гений*, называемый *мечтой* и *другом*. *Опять ты здесь, мой благодатный Гений, / Воздушная подруга юных*

дней. Благодаря его появлению Давнишний глас на лире оживает, / Чуть слышимый, как Геня полет; / И душу хладную разогревает [Все стихи Василия ..., 2019]. Оживление души и струн на лире поэта – результат явления гения. В. А. Жуковский дважды встречался с И. В. Гёте. В. М. Жирмунский указывает, что во время их второй встречи В. А. Жуковский преподнёс И. В. Гёте картину романтика Каруса, изображающую одинокую арфу в рамке готического окна, на фоне отдалённых силуэтов стрельчатых соборов, залитых лунным светом. Картину сопровождало стихотворное посвящение, обращённое к И. В. Гёте, названное «Приношение» [Жирмунский, 1982, с. 80–81]. В нём И. В. Гёте назван тем, кто снимает таинства покров, и тем, кто Арфою чудесный мир творит. Как следует из «Приношения», поэт снимает покров, то есть поэт и есть *гений чистой красоты*. Он делает это в своих произведениях, значит, они воплощение красоты. Снимает покров – значит открывает сущность вещей (впоследствии В. А. Жуковский в «Камозэнсе» и А. С. Пушкин в «Поэте» в этой связи назовут поэта *глаголом правды*, правда более ёмкое по значению слово, чем истина, оно имеет в одном из значений синоним истина, в другом – справедливость), отсюда вытекает, что красота есть сущность вещей. В понимании сути вещей как красоты В. А. Жуковский следует за немецкими романтиками. Новалис утверждал, что истина – это красота. Ф. Гельдерлин воспринимал мир как воплощение и реальное выражение красоты, считал, что красота есть сущность мира и форма его существования [Кохановский, 2001].

В 1819 г. В. А. Жуковский в стихотворении «К мимопролетевшему знакомому гению» обращается к *пленителю безымянному*: Скажи, кто ты, пленитель безымянный? / С каких небес примчался ты ко мне? Отмечается не только его способность летать, но и делать человека поэтом (даровать ему поэтическое вдохновение), уносить душу поэта в небеса и показывать ему красоту жизни как сущность вещей (поскольку *разоблачал* – значит открывал): *Поэзии священным вдохновеньем / Не ты ль с душой носился в высоту, / Пред ней горел божественным виденьем, / Разоблачал ей жизни красоту? В последней строфе появляется слово гений, поэт просит его стать хранителем его души: О Гений мой, побудь еще со мною / (...) Будь ангелом-хранителем души* [Жуковский, Т. 2, с. 147–148].

В стихотворении «Жизнь», написанном в 1821 г., жизнь лирического героя уныла, поскольку *Тьмою звезды обложило* и его покинули Мечта, Надежда, Фантазия, которая *прежде летала / В блеске радужных лучей и прикликала Вдохновение с звездой и Музу, Геня сестру*. Но в тумане, окружавшем лирического героя, *что-то вдруг затрепетало и ангелом прекрасным / Кто-то светлый прилетел*, сел в ладью жизни лирического героя и запел о радости, всё вокруг посветлело, в небе загорелась звезда. В заключительной строфе синонимами *гения, прилетевшего кого-то светлого* становятся *хранитель, небом данный, и небесный: О хранитель, небом данный! / Пой, небесный, и ладьей / Правь ко пристани желанной / За попутною звездой* [Жуковский, Т. 2, с. 150–152]. Хотя от выражения *гений чистой красоты* в стихотворении использована только часть *гений*, атрибуты того, что им обозначается у В. А. Жуковского, представлены: звёзды, полёт

гения в небе, посещение изредка гением поэта, близость гения с вдохновением, родство с музой. Трепет, радуга, звёзды впоследствии станут спутниками творчества, красоты у А. А. Фета и В. В. Набокова [Труфанова, 2016].

Выражение *гений чистой красоты* появляется в 1821 г. в стихотворении «Лалла Рук». В. А. Жуковский пишет, что он не присутствует с нами на земле постоянно: *Ах! не с нами обитает / Гений чистой красоты; / Лишь порой он навещает / Нас с небесной высоты (...)*! [Жуковский, Т. 2, с. 222–223]. Поэт объясняет, зачем иногда появляется *гений чистой красоты*: *Чтоб о небе сердце знало / В тёмной области земной. О гении чистой красоты*, утверждает поэт, на земле напоминают звёзды: *А когда нас покидает, / В дар любви у нас в виду / В нашем небе зажигает / Он прощальную звезду* [Жуковский, Т. 2, с. 223]. *Гений чистой красоты* – это у В. А. Жуковского не только абстрактное понятие (поэзия, вдохновение, красота в её высшем проявлении), но и конкретное, так благодаря его стихам называли императрицу Александру Фёдоровну. *Гений чистой красоты* у В. А. Жуковского – женщина, закрытая завесой от людей и лишь на краткий миг показывающая себя, она играет на струнном инструменте. В стихотворении «Явление поэзии в виде Лалла Рук» Лалла Рук появляется *как утро нового творенья* [Жуковский, Т. 2, с. 224–225], и в поэте *первый пламень вдохновенья / Струнами первыми зажгла* [Жуковский, Т. 2, с. 224–225].

В стихотворении «Мечта» акцентируется завеса, сокрытость *гения чистой красоты* от глаз и то, что покров приоткрывается иногда: *Сей покров непроницаем / Для затменных наших глаз; / Сам спадёт он* [Жуковский, Т. 2, с. 279]. Поводом для написания стихотворений «Лалла Рук», «Мечта», «Явление поэзии в виде Лалла Рук» явился праздник, данный в Берлине 15 января 1821 г. прусским королем Фридрихом, по случаю приезда его дочери – великой княгини Александры Федоровны и зятя – будущего императора Николая I. На празднике были разыграны живые картины на сюжеты, заимствованные из поэмы «Лалла Рук» Т. Мура [Алексеев, 1982]. Роль индийской принцессы Лалла Рук исполняла Александра Федоровна.

Тремя годами позже В. А. Жуковский пишет стихотворение «Я музу юную, бывало...», в котором вдохновение наделяется способностью гения чистой красоты летать в небесах и иногда показываться поэту, становится синонимом *гения чистой красоты*: *Я музу юную, бывало, / Встречал в подлунной стороне, / И Вдохновение летало / С небес, незваное, ко мне* [Жуковский, Т. 2, с. 235]. Далее вдохновение названо дарователем песнопений, а поэт арфой: *Но дарователь песнопений / Меня давно не посещал; / Бывалых нет в душе видений, / И голос арфы замолчал* [Жуковский, Т. 2, с. 235]. Выражение *гений чистой красоты* появляется в последней строфе, и здесь гений чистой красоты уже поэзия, красота, божество, а не вдохновение: *Всё, что от милых тёмных, ясных / Минувших дней я сохранил – / Цветы мечты уединённой / И жизни лучшие цветы, – / Кладу на твой алтарь священный, / О Гений чистой красоты! / (...) Но ты знаком мне, чистый Гений! / И светит мне твоя звезда!* [Жуковский, Т. 2, с. 235].

В 1824 г. В. А. Жуковский пишет стихотворение «Таинственный посетитель» [Жуковский, Т. 2, с. 239]. В нём нет выражения *гений чистой*

красоты, но появляются атрибуты последнего: полёт в небе, явление поэту на миг, приоткрывание завесы. В. А. Жуковский ставит вопрос: кто этот таинственный посетитель – надежда, любовь, дума (у В. А. Жуковского в значении воспоминание), поэзия, предчувствие (у В. А. Жуковского знание о сути вещей)? Приходится думать, что *гений чистой красоты* у В. А. Жуковского во всём перечисленном.

В 1839 г. *гений чистой красоты* появляется в драме В. А. Жуковского «Камознс». Камознс вспоминает, как ощутил в молодости присутствие, видение *гения чистой красоты*; в тот момент он стал поэтом, написал свою первую живую песню. Гений чистой красоты унёс его в небеса, осветил тьму вокруг и внутри. Песнопения, сочинённые Камознсом, сделали его крылатым. *Я помню час, великий час, меня / Всего пересоздавший. Я лежал / С повязкой на глазах в госпитале: / Тьма вокруг меня и тьма во мне... / И вдруг – сказать не знаю – подошло, / Иль нет, не подошло, а подлетело, / Иль нет, как будто божие с небес / Дыханье свеяло – свежо, как утро, / И пламенно, как солнце, и отрадно, / Как слезы, и разительно, как гром, / И увлекательно, как звуки арфы, – / И было то как будто и во мне / И вне меня, и в глубь моей души / Оно вливалось, и волшебный круг / Меня тесней, теснее обнимал; / И унесён я был неодолимым / Могуществом далеко в высоту,.. / Я обеспамятел: когда ж пришел / В себя – то было первая моя / Живая песня. С той минуты чудной / Исчезла ночь во мне и вокруг меня; / Я не был уж один, я не был брошен (...) / Моя душа на крыльях песнопенья / Взлетела к богу и нашла у бога / Утеху, свет (...)* [Жуковский, Т. 7, с. 473].

Выражение *гений чистой красоты* В. А. Жуковский в драме не использует. Но описание в ремарке видения, которое является умирающему Камознсу, совпадает с описаниями *гения чистой красоты* в стихах В. А. Жуковского. *В эту минуту совершается видение: над головою Камознса является дух в образе молодой девы, увенчанной лаврами, с сияющим крестом на груди. За нею яркий свет* [Жуковский, Т. 7, с. 453].

Гений чистой красоты является поэту, чтобы помочь найти слова для невыразимого. *Невыразимое* появляется в первом монологе Камознса о его встрече с поэзией. *Меня судьба перевела в Коимбру, / Святилище науки; там впервые / Услышал я Гомера; мантуанский / Певец меня гармонией своей / Пленил, и прелесть красоты / Проникла душу мне; что в ней дотоле / Невидимо, неведомо хранилось, / То вдруг в чудесный образ облеклось; / Что было тьма, то стало свет, и жизнью / Затрепетало всё, что было мёртвым; / И мне во грудь предчувствие чего-то / Невыразимого впилося...* [Жуковский, Т. 7, с. 434].

Эти крылатые слова В. А. Жуковского: *гений чистой красоты* и *невыразимое* – оказываются взаимосвязанными в монологе умирающего Камознса: *Тебя, на рубеже земли и неба, снова / Преображенную я вижу пред собой; / Что здесь прекрасного, великого, святого / Я вдохновенно угадывал мечтой, / Невыразимое для мысли и для слова, / То все в мой смертный час прияло образ / твой. Камознс делает вывод, что гений чистой красоты – поэзия: Так, ты – поэзия* [Жуковский, Т. 7, с. 453–454].

Перед смертью Камознс говорит с молодым поэтом Васко, в словах которого В. А. Жуковский выразил своё представление о назначении поэта и поэзии: *быть хочу крылом могучим, / Подъемлющим родные мне сердца / На высоту, зарей, победу дня / Предвозвещающей, великих дум / Воспламенителем, глаголом правды, / Лекарством душ, безверием крушимых, / И сторожем нетленной той завесы, / Которою пред нами горний мир / Задернут, чтоб порой для смертных глаз / Её приподымать и святость жизни / Являть во всей её красе небесной – / Вот долг поэта, вот моё призванье!* [Жуковский, Т. 7, с. 449]. Поэзия не даст человеку (читателю) утратить человеческое в себе, поэт – путеводная звезда для читателей. *Поэзия небесной / Религии сестра земная; светлый / Маяк, самим создателем зажженный, / Чтоб мы во тьме житейских бурь не сбились / С пути. Поэт, на пламени его / Свой факел зажигаю! Твои все братья / С тобою заодно засветят каждый / Хранительный свой огонь, и будут здесь / Они во всех странах и временах / Для всех племён звездами путевыми; / При блеске их, что б труженик земной / Ни испытал, – душой он не падет, / И вера в лучшее в нём не погибнет* [Жуковский, Т. 7, с. 449].

Драма завершается словами Камознса: «Поэзия есть Бог в святых местах земли», ставших крылатыми. Впоследствии разными поэтами написаны стихотворения с таким названием. В стихах И. Стебенкова назначение поэзии утверждается в пробуждении спящих душ читателей: *А было Слово – светлый дар Отца / Поэтам – избранным провидцам и творцам, / Чтоб Слово внемя, мы очиститься могли. / «Поэзия – есть Бог в святых мечтах земли...» / Для высшей цели дар Поэтам дан – / Не всуе меряться, кто истинный талант, / Не для того, чтоб написать стихов тома, / А для того, чтоб души не объяла тьма...* [Стебенков, 2013]. Бог создал наш мир словом, значит поэзия, прекрасное – то, с чего начинается жизнь.

В многочисленных упоминаниях о В. А. Жуковском на страницах «Комментариев к “Евгению Онегину”» и «Лекций по русской литературе» В. В. Набоков никогда не говорит о В. А. Жуковском в критическом тоне [Анисимова, 2015 а, с. 117].

В стихотворении В. В. Набокова «Детство» появляется выражение чистая красота в значении божество: *Одно в душе моей осталось неизменным, / и это – преданность виденьям несравненным, / молитва ясная пред чистой красотой. / Я ей не изменил* [Набоков, Т. 1, с.515].

Символом совершенства, прекрасного у В. В. Набокова выступают сиреневый, фиолетовый, лиловый цвета. Фиолетовый возникает из сочетания красного с синим. В стихотворении «Эфемеры» *гений чистой красоты*, названный здесь *ангел*, является из фиолетовых (пурпурных) волн. Как и у В. А. Жуковского при явлении гения чистой красоты, при явлении ангела у В. В. Набокова появляются свет, приятные звуки, душа обретает силы для жизни. *Спадая ризою с дымящихся высот / крутого рая – Слава! Слава! – / клубится без конца, пылает и ползёт / поток – божественная лава... / И Сила гулкая, встающая со дна, / вздувает огненные зыби: / растёт горячая вишневая волна / с роскошной просинью на сгибе. / Вот поднялась горбом и пеной зацвела, / и нежно лопаются пена, / и вырываются два пле-*

ищущих крыла / из пламенеющего плена. / И ангел восстаёт стремительно-светло, / в потоке огненном зачатый, / – и в жилках золотых прозрачное крыло / мерцает бахромой зубчатой. / И беззаветную хвалу он пропоёт, / на миг сияя над потоком, / – сквозными крыльями восторженно всплеснёт, / исчезнет в пламени глубоком. / И вот возник другой из пышного огня, / с таким же возгласом блаженства: / вся жизнь его звенит и вся горит, звеня, / и вся – мгновенье совершенства. / И если смутно мне, и если даль мутна, / я призываю эти зыби: / растёт горячая вишневая волна / с роскошной просинью на сгибе... [Все стихи Владимира..., 2019].

В. В. Набоков многократно использует образ крылатого поэта, появившийся в монологе Васко в «Камознсе». *Я чувствую, что рифмой расцветая, / я предаюсь незримому крылу [Набоков, Т. 2, с. 594]. Я встал, крылатый и высокий [Набоков, Т. 1, с. 588]. Вздохнуть поглубже и, до плеч / в крылья вдев расправленные руки, / с подоконника на воздух лечь / и лететь, наперекор науке / с переменным трепетом стрижа; / вдоль сада пронестись, и метить прямо / в стену, и, перешагнув, над самой / землёй скользнуть, и в синеву, дрожа, / взмыть... / Боюсь, не вынесу полета.. – / Нет, вынес [Все стихи Владимира..., 2019]. (...) Зной бессменный вдохновенья / звукователя томил. / На крыльях чудного недуга / Летя (...) он лишь сорвал душистый стих! [Набоков, Т. 1, с. 540–541]. Нас мало – юных, окрыленных [Набоков, Т. 1, с. 447]. В стихотворении «Крым» поэт вспоминает, как грезил о крыльях в начале творческого пути: ... *О, тиховейные долины, / ... О, рощи буковые, где я / подслушал, Пан, свирель твою! / .. Там, ночью звездной, я порою / о крыльях грезил... [Набоков, Т. 1, с. 524]. «Придавлен душною дремотой» [Набоков, Т. 1, с. 443–444] о том, что не удалось расправить крылья: душа не проснулась, стихи не возникли.**

Поэт, артист, художник у В. В. Набокова крылаты, пока творят, в момент творения с ними Бог. *И в вышине, перед старинным / собором, на тугой канат, / шестом покачивая длинным, / шагнул, сияя, акробат. / Курантов звон, пока он длился, / пока в нём пребывал Господь, / как будто в свет преобразился / и в вышине облекся в плоть. / Стена соборная щербата / и ослепительна была; / тень голубая акробата / подвижно на неё легла. / Всё выше над резьбой портала, / где в нише – статуя и крест, / тень угловатая ступала, / неся свой вытянутый шест. / И вдруг над башней с циферблатом, / ночную схвачен синевой, / исчез он с трепетом крылатым – / прелестный облик теневой. / И снова заиграли трубы, / меж тем как, потен и тяжёл, / в погасших блесках, гаер грубый / за подаяньем к нам сошёл [Набоков, Т. 1, с. 568–569].*

Крылатыми названы и персонажи, созданные писателем, а право творить благостным, как В. А. Жуковский называл гения чистой красоты – благодатным ангелом. *Я говорю о тех ночах, когда / Толстой творил, я говорю о чуде, / об урагане образов, летящих / по чёрным небесам в час созиданья, / в час воплощенья... Ведь живые люди / родились в эти ночи... Так Господь / избраннику передаёт своё / старинное и благостное право / творить миры и в созданную плоть / вдыхать мгновенно дух неповторимый [Набоков, Т. 2, с. 593–594].*

В «Даре» Годунов-Чердынцев называет поэтический дар *крылатым даром*. У В. В. Набокова появляются ещё *крылатый крик, крылатый трепет, крылатый путь*. В стихотворении «О, встречи дивное волнение» *гений чистой красоты*, видение которого поэт встречает с *крылатым криком*, наклоняется к поэту с *алмазной песнею во взоре: О, встречи дивное волнение! / Взгляд заревой... Крылатый крик.. / Ты осязаемо, виденье! / К тебе я трепетно приник... (...)* *О достижение, крылья, зори! / Мечта оправдана вполне! / С алмазной песнею во взоре / ты наклоняешься ко мне...* [Набоков, Т. 1, с. 492–493]. Жажда творчества – это стремление в путь *крылатый* в стихотворении «О, как ты рвешься в путь *крылатый*»: *О, как ты рвешься в путь крылатый, / безумная душа моя* [Набоков, Т. 1, с. 608]. В «Забудешь ты меня, как эту ночь забудешь» у поэта *окрылённый голос: Но ясновиденье подобно вдохновенью / прозреньем окрылён тревожный голос мой* [Набоков, Т. 1, с. 477].

Крылья поэта могут восходить у В. В. Набокова не только к *гению чистой красоты* В. А. Жуковского, но и к А. А. Фету, также и трепет, музыкальный звук [Труфанова, 2016]. Полигенетичность характерна и для В. В. Набокова. Звук у В. В. Набокова появляется раньше крыльев. *При луне, когда косую крышу / лижет металлический пожар, / из окна случайно-го я слышу / сладкий и пронзительный удар / музыки; и чувствую, как холод / счастья мне душу обдаёт; / кем-то ослепительно расколот / лунный мрак; и медленно в полет / собираюсь, вынимая руки / из карманов, трепещу, лечу* [Набоков, Т. 1, с. 619]. *Я помню твой приход: растущий звон, / волнение, неведомое миру. / Луна сквозь ветки тронула балкон, / и пала тень, похожая на лиру* [Набоков, Т. 2, с. 552]. В стихотворении «Из блеска в тень и в блеск из тени» *в утро мира дикарь, ещё полунемой, с душой прозревшей, но бескрылой* [Набоков, Т. 1, с. 444–445] играет тетивой лука, заметив, какой густой и сладкий звук у неё; эта игра для него оказывается прекраснее охоты. В стихотворениях «Ещё безмолвствую и крепну я в тиши», «Люблю в струящейся дремоте», «Мерцательные тикают пружинки» поэт только предчувствует появление *гения чистой красоты*, но уже слышит звук, гул. *Ещё безмолвствую и крепну я в тиши. / Созданий будущих заоблачные грани / ещё скрываются во мгле моей души, / как выси горные в предутреннем тумане. / Приветствую тебя, мой неизбежный день. / Все шире, шире даль, светлей, разнообразней, / и на звенящую на первую ступень / всхожу, исполненный блаженства и боязни* [Набоков, Т. 1, с. 496]. *Ещё не дышит вдохновенье, / а мир обычного затих: / то неподвижное мгновенье – / уже не боль, ещё не стих. / И полумысли, полузвучки / вливаются в дымчатый мой сон* [Набоков, Т. 1, с. 532–533]. *Но в тёмном переулке жизни милой, / как в городке на берегу морском, / есть некий гул; он дышит смутной силой, / он ширится; он с детства мне знаком. / И ночью перезвоном волн да кликом / струн, дальних струн, неисчислимых струн, / взволнован мрак, и в трепете великом / встаю на зов, доверчив, светел, юн...* [Набоков, Т. 1, с. 538].

Явления *гения чистой красоты* у В. В. Набокова не просто утешают поэта, он испытывает сладострастье, он не просто умилён, внутри него,

как и вовне, огонь. *Вдохновенье – это сладострастие / человеческого "я": / жарко возрастающее счастье, – / миг небытия. / Сладострастие – это вдохновенье / тела, чуткого, как дух: / ты прозрел, ты вспыхнул на мгновение, – / в трепете потух. / Но когда услада грозная / пронеслась, и ты затих, – / в тайнике возникла жизнь живая: / сердце или стих...* [Набоков, Т. 1, с. 544]. Что значит: *возникло сердце?* Чьё сердце? Душа поэта ожила в момент творения? Или зародилась новая жизнь?

А. И. Белецкий убедительно доказал, что в стихотворении «К ***» («Я помню чудное мгновение») у А. С. Пушкина несколько планов, на поверхностном уровне кажется, что стихотворение посвящено А. П. Керн (при том, что в названии её имени нет), на уровне более глубоком «между А. П. Керн и гением чистой красоты – дистанция огромного размера» [Белецкий, 1964, с. 395], это «стихотворение не обязательно включать в цикл любовной лирики А. С. Пушкина. Оно роднится по мыслям с такой, например, его вещью, как стихотворение “Поэт” (1827). Стихотворение это выдержано в стиле традиционной образности: в нём и “священная жертва”, и Аполлон, и “святая лира”, и тому подобные атрибуты предшествовавшей Пушкину поэтики. В стихотворении “Я помню...” их нет. Из обихода предшественников взяты лишь “гений чистой красоты” да “божество»» [Белецкий, 1964, с. 401]. Проанализировав значения слова божество у А. С. Пушкина, А. И. Белецкий делает вывод, что у поэта это искусство, пророк божий – это поэт, алтарь – рабочий стол поэта, молитва – сладкие звуки его слов, подчинённых метру и ритму [Белецкий, 1964, с. 393–394]. Тем не менее, добавляет исследователь, женская красота могла быть внешним импульсом, пробудившим вдохновение.

У В. В. Набокова крылья и полёт в небе встречаются в стихах на первый взгляд о плотской любви, в них упоминаются поцелуй, объятия, зачатие ребёнка (как в стихотворении «Вдохновенье – это сладострастие»), но на более глубоком уровне это стихи не о любви, а о поэте и поэзии, поскольку у возлюбленной в них нет ни одного конкретного признака, место и время встречи с ней описаны предельно абстрактно. Таково стихотворение «В хрустальный шар заключены мы были», она, с которой летел поэт, это поэзия; поэт творит не всегда, поэтому упомянута разлука – перерыв в сочинении стихов. *В хрустальный шар заключены мы были, / и мимо звёзд летели мы с тобой, / стремительно, безмолвно мы скользили / из блеска в блеск блаженно-голубой. / И не было ни прошлого, ни цели, / нас вечности восторг соединил, / по небесам, обнявшись, мы летели, / ослеплены улыбками светил. / Но чей-то вздох разбил наш шар хрустальный, / остановил наш огненный порыв, / и поцелуй прервал наш безначальный, / и в пленный мир нас бросил, разлучив. / И на земле мы многое забыли: / лишь изредка вспомнится во сне / и трепет наш, и трепет звездной пыли, / и чудный гул, дрожавший в вышине. / Хоть мы грустим и радуемся розно, / твое лицо, средь всех прекрасных лиц, / могу узнать по этой пыли звездной, / оставшейся на кончиках ресниц...* [Набоков, Т. 1, с. 482–481]. См. также: «Темно-синие обои» [Набоков, Т. 1, с. 437]. Гений чистой красоты у В. В. Набокова рождает жизнь, а не просто поддерживает её своим

явлением. Для В. В. Набокова красота не эстетическая категория, как у В. А. Жуковского, а онтологическая.

4. Выводы

В контексте творчества В. А. Жуковского выражение *гений чистой красоты* приобретает следующие значения: 1) поэт; 2) брат Музы; 3) путеводная звезда для людей; духовный вожатый для поэта; 4) ангел-хранитель поэта; 5) дарователь песнопений для поэта; 6) вдохновение, 7) божество; 8) поэзия; 9) любовь; 10) надежда; 11) воспоминание; 12) истина; 13) невыразимое; 14) прекрасное; 15) Бог.

В. В. Набоков воспринял разработанное В. А. Жуковским понятие *гений чистой красоты*. В его стихах выражение *чистая красота* появляется в значении 'божество'. *Гений чистой красоты* у В. В. Набокова чаще не назван, читатель узнаёт о нём, по признакам, сопровождающим его явление; и угадываемый *гений чистой красоты* выступает дарователем поэту стихов, истинного знания, упоения счастьем, блаженства, вдохновения. Из всех признаков гения чистой красоты В. А. Жуковского и атрибутов, сопровождающих его явление, для В. В. Набокова наиболее актуальными оказались крылья, полёт в небе, звёзды; свет у В. В. Набокова превращается в огонь, пламя, зыблющуюся лаву, зной, грозу и молнию (*услладу громовую*), звуки арфы в звуки свирели, звук струны или в звон, гул. Встреча с *гением чистой красоты* у В. В. Набокова представлена несравненно более экспрессивно, чем у В. А. Жуковского. У В. А. Жуковского явление *гения чистой красоты* облегчает жизнь. *Гений чистой красоты* у В. В. Набокова – это красота, рождающая жизнь. Красота для В. В. Набокова не эстетическая, а онтологическая категория. У обоих поэтов *гений чистой красоты* открывает завесу, показывая поэту вечность, но вечность поэты видят по-разному. У В. А. Жуковского вечность связана с Богом, бессмертием человеческой души. У В. В. Набокова творчество связывает поэта с вечностью.

Полученные в ходе исследования выводы могут быть использованы при составлении словарей языка поэта В. А. Жуковского и писателя В. В. Набокова, а также при составлении словаря концептов русской культуры.

Список литературы

1. Алексеев, М. П. Томас Мур и русские писатели XIX века. Русско-английские литературные связи (XVII век – первая половина XIX века) [Электронный ресурс] / М. П. Алексеев // Литературное наследство. – Т. 96. – М. : Наука, 1982.
2. Афанасьев, В. В. Жуковский [Текст] / В. В. Афанасьев. – М. : Молодая Гвардия, 1986. – 106 с.
3. Анисимова, Е. Е. «Возьмите Жуковского для ноздрей». В. Набоков систематизирует наследие В. А. Жуковского: от «Приглашения на казнь» к «Лолите» и «Пнину» [Текст] / Е. Е. Анисимова // Критика и семиотика. – 2015 а. – № 1. – С. 101–147.
4. Анисимова, Е. Е. Наследие В. А. Жуковского в художественном языке романов В. Набокова («Приглашение на казнь», «Лолита», «Пнин») [Текст] / Е. Е. Анисимова // Сибирский филологический журнал. – 2015 б. – № 3. – С. 153–160.

5. Белецкий, А. И. Из наблюдений над стихотворными текстами А. С. Пушкина. I. Стихотворение «Я помню чудное мгновенье» [Текст] / А. И. Белецкий // Избранные труды по теории литературы. – М. : Просвещение, 1964. – С. 386–402.
6. Все стихи Владимира Набокова [Электронный ресурс] // Русская поэзия. – URL : <https://guroem.ru/nabokov/all.aspx> (дата обращения : 25.04.2019).
7. Галинская, И. Л. Владимир Набоков: Современные прочтения : сб. науч. тр. [Текст] / И. Л. Галинская. – М. : РАН, 2005. – 177 с.
8. Галюн, И. П. К вопросу о литературных влияниях в поэзии В. А. Жуковского [Текст] / И. П. Галюн. – Киев : Типогр. Импер. ун-та им. Св. Владимира, 1916. – 31 с.
9. Егорова, Е. Диалог с Жуковским в романе Набокова [Текст] / Е. Егорова // Вопросы литературы. – 2014. – № 3. – С. 208–223.
10. Жирмунский, В. М. Гете в русской литературе [Текст] / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1982. – С. 80–81.
11. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений: в 20 т. [Текст] / В. А. Жуковский. – Т. 1–12. – М.: Языки славянской культуры, 1999–2012.
12. Забияко, А. А. Синестезия: метаморфозы художественной образности [Текст] / А. А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2004. – 215 с.
13. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин [Текст] / Интертекстуальность. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 352 с.
14. Карпов, Н. А. Творчество В. В. Набокова и традиции литературы романтической эпохи («Защита Лужина», «Приглашение на казнь») [Текст]: дис. ... канд. филол. наук 10.01.01 / Карпов Николай Александрович; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2002. – 217 с.
15. Кохановский, В. История философии [Текст] / В. Кохановский, В. Яковлев. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 576 с.
16. Мейер, П. Найдите, что спрятал матрос: «Бледный огонь» Владимира Набокова [Текст] / П. Майер. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С. 33–34.
17. Набоков, В. В. Стихотворения [Текст] / В. В. Набоков // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч. : в 5 т. – Т. 1. – СПб. : Симпозиум, 2004. – С. 437–640.
18. Набоков, В. В. Стихотворения [Текст] / В. В. Набоков // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч. : в 5 т. – Т. 2. [Текст] / В. В. Набоков. – СПб. : Симпозиум, 2004. – С. 539–601.
19. Семенова, Н. В. Цитата в художественной прозе (на материале произведений В. Набокова) [Текст] / Н. В. Семёнова. – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2004. – 200 с.
20. Стебенков, И. Когда-нибудь, Бог весть... [Электронный ресурс] / И. Стебенков // Стихи.ру. – URL : <https://www.stihi.ru/2013/02/15/8104>.
21. Тамми, П. Заметки о полигенетичности в прозе Набокова [Текст] / П. Тамми // В. В. Набоков. Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. – СПб.: РХГИ, 1997. – С. 514–527.
22. Труфанова, И. В. Фетовские реминисценции у В. В. Набокова [Текст] / И. В. Труфанова // Язык и мышление: Психолингвистические аспекты: Материалы XVI-й Междунар. науч. конф. // отв. ред . А. В Пузырёв. – М. : ИЯз РАН, Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «ГГТУ», 2016. – С. 192–199.
23. Черняев, Н. И. Послание «К А. П. Керн» Пушкина и «Лалла Рук» Жуковского [Текст] / Н. И. Черняев // Черняев Н. И. Критические статьи и заметки о Пушкине. – Харьков, 1900. – С. 33–64.

24. Connolly, J. W. Nabokov and Zhukovsky [Text] / J. W. Connolly // The Vladimir Nabokov Research Newsletter. – 1983. – N. 11. – P. 43–47.
25. Shapiro, G. Delicate Markers: Subtexts in V.Алексеев, М. П. Томас Мур и русские писатели XIX века. Русско-английские литературные связи (XVII век – первая половина XIX века) [Электронный ресурс] / М. П. Алексеев // Литературное наследие. – Т. 96. – М. : Наука, 1982. – URL : http://az.lib.ru/z/zhukowskij_w_a/text_0410.shtml

References

1. Alexeev, M. P. (1982). Tomas Mur i russkiye pisateli XIX veka. Russko-angliyskiye literaturnyye svyazi (XVII vek – pervaya polovina XIX veka [Thomas Moore, and Russian writers of the XIX century. Russian-English literary relations. (XVII century – the first half of the XIX century)]. *Literaturnoye nasledstvo: T. 96* [Literary heritage. Vol. 96]. Moscow : Nauka Press.
2. Afanasiev, B. B. (1986). *Zhukovskiy* [Zhukovsky]. Moscow: Molodaya Gvardiya Press.
3. Anisimova, E. E. (2015). “Vozmite Zhukovskogo dlya nozdrey”. V. Nabokov sistematiziruet nasledie v a Zhukovskogo ot “Priglaseniya na kazn” k “Lolite” i “Pninu” [“Take Zhukovsky for nostrils.” V. Nabokov systematizes the legacy of V. A. Zhukovsky: from “Invitation to execution” to “Lolita” and “Pnin”]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 1, 101–147.
4. Anisimova, E. E. (2015). Nasledie v a Zhukovskogo v hudozhestvennom yazyke romanov V. Nabokova (“Priglasenie na kazn”, “Lolita”, “Pnin”) [Zhukovsky's Legacy in the artistic language of novels by V. Nabokov (“Invitation to execution”, “Lolita”, “Pnin”)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 3, 153–160.
5. Beletsky, A. I. (1964). Iz nablyudeniya nad stikhotvornymi tekstami A. S. Pushkina. I. Stikhotvorenie “Ya pomnyu chudnoe mgnovene” [I. From the observations on the poetic texts of A. S. Pushkin. I. Poem “I remember a wonderful moment”]. *Izbrannyye trudy po teorii literatury* [Selected works on the theory of literature] (pp. 386–402). Moscow: Prosveshchenie Press.
6. Vse stihy Vladimira Nabokova [All poems by Vladimir Nabokov]. *Russkaya poeziya* [Russian poetry]. Retrieved April 25, 2019 from <<https://rupoem.ru/nabokov/all.aspx>>.
7. Galinskaya, I. L. (2005). *Vladimir Nabokov. Sovremennyye prochteniya: sb. nauch. tr.* [Vladimir Nabokov: Modern readings. Collection of papers]. Moscow: RAS Press.
8. Galyun, I. P. (1916). *K voprosu o literaturnykh vliyaniyakh v poezii V. A. Zhukovskogo* [On literary influences in V. A. Zhukovsky's poetry]. Kiev: Saint Vladimir Imperial University Printing House.
9. Egorova, E. (2014). Dialog s Zhukovskim v romane Nabokova [Dialogue with Zhukovsky in Nabokov's novel]. *Voprosy literatury* [Topics in the study of literature], 3, 208–223.
10. Zhirmunsky, V. M. (1982). *Gete v russkoy literature* [Goethe in Russian literature]. Leningrad: Nauka Press.
11. Zhukovsky, V. A. (1999–2012). *Polnoe sobranie sochineniy: v 20 t.: T. 1–12* [Complete collection of works: In 20 volumes. Vol. 1–12]. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Press.
12. Zabayko, A. A. (2004). *Sinesteziya metamorfozy hudozhestvennoy obraznosti* [Synesthesia: metamorphoses of artistic imagery]. Blagoveshchensk: Amur State University Press.

13. Intertextuality (2016). *Intertekstualnost i figury interteksta v diskursah raznyh tipov: kollektivnaya monografiya* [Intertextuality and intertext figures in discourses of different types: Collective monography]. Ed. by T. N. Kolokoltseva, V. P. Moskvina. Moscow: Flinta Press: Nauka Press.
14. Karpov, N. A. (2002). *Tvorchestvo V. V. Nabokova i traditsii literatury romanticheskoy epokhi ("Zashchita Luzhina", "Priglasenie na kazn")* [The work of V. V. Nabokov, tradition and literature of the romantic era ("the Luzhin Defense", "Invitation to execution")]. PhD in Philological sci. diss. St Petersburg: St Petersburg State University.
15. Kokhanovskiy, V., Yakovlev, V. (2001). *Istoriya filosofii* [The history of philosophy]. Rostov-on-Don: Feniks Press.
16. Meyer, P. (2007). *Naydite, chto spryatal matros: "Blednyy ogon" Vladimira Nabokova* [Find what the sailor hid: "Pale fire" Vladimir Nabokov]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Press.
17. Nabokov, V. V. (2004). Stikhotvoreniya [Poems]. *Nabokov V. V. Russkiy period. Sobr. soch.: V 5 t. T. 1* [Russian period. Collected works: In 5 volumes. Vol. 1]. St Petersburg: Symposium Press.
18. Nabokov, V. V. (2004). Stikhotvoreniya [Poems]. *Nabokov V. V. Russkiy period. Sobr. soch.: V 5 t. T. 2* [Russian period. Collected works: In 5 volumes. Vol. 2]. St Petersburg: Symposium Press.
19. Semenova, N. V. (2004). *Tsitata v hudozhestvennoy proze (na materiale proizvedeniy V. Nabokova)* [Quote in fiction (Based on the works of V. Nabokov)]. Tver: Tver State University Press.
20. Schebenkov, I. *Kogda-nibud', Bog vest'...* [Some day, only God knows...]. Stihi.ru [Poems.ru]. Retrieved from <<https://www.stihi.ru/2013/02/15/8104>>.
21. Tammy, P. (1987). Zametki o poligenetichnosti v proze Nabokova [Notes on polygenetics in Nabokov's prose]. *V. V. Nabokov. Pro et contra. Lichnost i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley* [V. V. Nabokov. Pro et contra. Personality and creativity of Vladimir Nabokov in evaluation of Russian and foreign thinkers and researchers] (pp. 514–527). St Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute Press.
22. Trufanova, I. V. (2016). Fetovskie reministsentsii u V. V. Nabokova [Fet's allusions in V. V. Nabokov]. In V. A. Puzyrev (Ed.), *Yazyk i myshlenie: Psikholingvisticheskie aspekty* [Language and thinking: Psychological and linguistic aspects]. Proc. of the XVI-th International Scientific Conference (pp. 192–199). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Press; Orekhovo-Zuyevo: GSTU Press.
23. Chernyaev, N. I. (1900). Poslanie "K A. P. Kern" Pushkina i "Lalla Rookh" Zhukovskogo [Message "To A. P. Kern" Pushkin and "Lalla Rookh" Zhukovsky]. *Chernyaev N. I. Kriticheskie stati i zametki o Pushkine* [Chernyaev N. I. Critical articles and notes about Pushkin] (pp. 33–64). Kharkov.
24. Connolly, J. W. (1983). Nabokov i Zhukovskiy [Nabokov and Zhukovsky]. *Informatsionnyy byulleten' Vladimira Nabokova* [Vladimir Nabokov Research Newsletter], 11, 43–47.
25. Shapiro, G. (1998). *Delikatnye markery: podteksty v «priglasenii k obezglavlivaniiyu» Vladimira Nabokova* [Delicate Markers: Subtexts in Vladimir Nabokov's «Invitation to a Beheading»]. New York: Peter Lang Press.